

Л. В. Цыпина

Н. КУЗАНСКИЙ И Г. В. ЛЕЙБНИЦ О ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ МЕТАФОРЫ ЗЕРКАЛА

Аннотация: В статье анализируются происхождение и роль визуальной метафоры (метафоры зеркала) в учении о бесконечности Н. Кузанского и монадологии Г.Ф. Лейбница. Автор утверждает, что осмысленная философски метафора выполняет, по меньшей мере, две функции: 1) открывает «эпистемический доступ к понятию» (Р. Бойд); 2) хранит культурный код эпохи. Зеркало — традиционная визуальная метафора познания, его точности или приближенности, всеохватности или частичности. Значение этой метафоры от средневековых «зерцал мира» до барочной «россыпи разного» связано с философским вопросом о непостижимой постижимости бесконечности. Для Кузанского постигаемая незнанием бесконечность — это зеркало охватывающего взгляда единого Творца. Для Лейбница полнота и непрерывная согласованность всего со всем — результат представляющей деятельности монады как «постоянного живого зеркала универсума». Кузанский делает акцент на единстве многого, Лейбниц — на множественности единства, при этом каждый использует метафору зеркала в контексте породившей их философию эпохи.

Ключевые слова: метафора зеркала, гегемония видения, бесконечность, совпадение противоположностей, предположение, барокко, монадология, перспективизм.

Abstract: The article describes origin and role of visual metaphor (metaphor of the mirror) in Nicolas of Cusa's doctrine of infinity and Leibniz's monadology. The author argues that philosophical understanding of metaphor performs at least two functions: 1) open «epistemic access to the concept» (R. Boyd), and 2) preserves a cultural code of historical epoch. The mirror is traditional visual metaphor of cognition, its veracity or approximate-ness, inclusiveness or partiality. The value of this metaphor from the medieval «speculums of the universe» to the baroque «placer of the different» is related to the philosophical question of the incomprehensible comprehensibility of the infinity. For Nicolas of Cusa cognized by «learning ignorance» infinity is a mirror of the single view of the Creator. For Leibniz completeness and permanent coherence of everything is the result of the monad's representative activity as a «permanent living mirror of the universe.» Nicolas of Cusa emphasizes the unity of the multitude, Leibniz — the plurality of the oneness, and each uses the metaphor of the mirror in the context of the epoch which has given the origin to their philosophy.

Keywords: metaphor of the mirror, hegemony of vision, infinity, coincidence of contradictions, conjecture, Baroque, monadology, perspectivism.

Введение: проблема метафоры

Критическое исследование метафоры обыкновенно начинается со следующего предупреждения. Не существует слова, понятия или описания интеллектуальных операций, которые не восходили бы к метафоре как «вездесущему принципу языка»¹.

¹ Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 46.

© Л. В. Цыпина, 2013

СОБЫТИЯ

В то же время многочисленные определения метафоры и конфликтующие объяснения ее природы подчеркивают заложенный в ней механизм схематизации, делающий возможным связь чувственного и логического аспектов познания. Благодаря метафоре обеспечивается режим «эпистемического доступа»² к подразумеваемому понятию. Словом, «исследование метафор, как и изучение других первичных элементов сознания (*primary data of consciousness*), приводит нас к границе здравого смысла. Метафора столь же исконна, как язык и мысль. Попытка проникновения в ее сущность заставляет задуматься о возможностях тех средств, на которые мы можем положиться. Земля разверзается под ногами исследователя»³.

Метафора осуществляется на смысловом сдвиге, где синтез вторгается в сферу анализа, образ — в сферу понятия. Отмеченная еще Аристотелем подвижность метафоры как «переносного слова», позволяющая использовать в речи «несвойственное имя» четырьмя различными способами⁴, коренится в «фундаментальном для мышления и языка ощущении подобия»⁵. Это основа возможного переноса, сдвига, транспозиции дескриптивной лексики, указывающей на предмет речи, в сферу предикатов, указывающих признаки и свойства. Описанное Р. Якобсоном «расщепление референции» (*split reference*) в метафоре обеспечивает возможность иметь одновременно две точки зрения на один и тот же предмет. Двусоставность метафоры позволяет выделить следующие ее компоненты: 1) подразумеваемую идею, которую принято называть содержанием (*tenor*) и 2) выражающую эту идею «фигуру речи», соответственно — оболочку (*vehicle*)⁶. При этом «“оболочка” не является, как правило, просто украшением содержания, которое остается неизменным: “оболочка” и “содержание” дают в своем взаимодействии значение более богатое, чем каждый из этих компонентов, взятый в отдельности»⁷.

Типы связи между оболочкой и содержанием задаются 2 разновидностями когнитивных операций. Во-первых, это сравнение как выявление сходств несходных вещей. Как утверждал Аристотель «слагать хорошие метафоры означает подмечать сходство». В результате сравнения возникают эпифоры — распространения (расширения) значения слова посредством переноса непосредственно известного или относительно хорошо известного признака на явление менее известное, осознаваемое более смутно. Примерами эпифор могут служить стершиеся выражения обыденного языка — «время течет» или «жизнь идет», или базовая метафора религиозного языка — Бог-Отец. Во-вторых, установление мнимых тождеств (*impracticable identifications*) по смежности, которое порождает диафоры — метафоры с неожиданно новым

² См.: *Boyd R.* Metaphor and Theory Change. What is «Metaphor» a Metaphor for? // *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1979. P. 356–408.

³ *Murry M.* The Countries of Mind. Oxford, 1931. P. 28.

⁴ Ср. «Переносное слово (*metaphora*) — это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» (*Аристотель*. Поэтика, 1457b 5 // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 669).

⁵ *Quine W. O.* Natural kinds. Naming, necessity and natural kinds. London, 1977. P. 157.

⁶ Осуществляемый метафорой процесс смыслового сдвига передается английским словом *vehicle*, буквальное значение которого «проводник», «транспортное средство», «носитель».

⁷ *Ричардс А.* Философия риторики. С. 50.

значением. Перенос значения осуществляется путем «движения (*phora*) “через” (*dia*) те или иные элементы опыта (реального или воображаемого) по новому пути так, что новое значение возникает в результате простого соположения»⁸. Соединение удаленных или даже противоречащих друг другу понятий изменяет тип восприятия, ориентирует его на мгновенное прозрение (*insight*), создающее новый контекст. Скажем, используемый Н. Хомским знаменитый пример бессмыслицы «*colorless green ideas sleep furiously*» (бесцветные зеленые идеи яростно спят) в интерпретации Р. Якобсона приобретает осмысленность. Ее смысловое ядро или содержание может быть описано приблизительно следующим образом: «незрелые идеи находятся в исключительно непроявленном, инертном состоянии». При такой интерпретации пример Хомского можно рассматривать как диафорическое соположение эпифор.

Уяснив, как метафора производит «сгущение» языка путем слияния мысли и образа, смысла и ощущения, вслед за Дж. Серлем попытаемся «ответить на вопрос, как для говорящего оказывается возможным метафорически сказать «S есть P», имея в виду «S есть R», притом, что P со всей очевидностью не значит R. Далее, как оказывается возможным для слушающего, услышавшего высказывание «S есть P», знать, что говорящий имеет в виду «S есть R»?»⁹. Почему ложность метафоры в буквальном смысле оборачивается ее истинностью в переносном (подразумеваемом) значении? Эти вопросы вновь обращают нас к характеру связи компонентов метафоры, которая имеет прямое отношение к глубинным структурам человеческого опыта. Живость, наглядность метафоры, ее подмеченная еще Аристотелем способность изображать вещь «как бы находящейся перед глазами», позволяет увидеть в ней языковой эквивалент предмета-картины (*Bildgegenstand*)¹⁰. Тогда связка между содержанием и оболочкой метафоры может быть понята как некое «чувство-действие», выражаемое словосочетанием «видеть как» (*seeing as*).

«“Видение как...” не принадлежит восприятию, и потому оно похоже и вместе с тем не похоже на видение»¹¹. Как способ реализации подразумеваемого (воображаемого) содержания «видение как» размыкает метафору в направлении интерпретации, сплавляя визуальное восприятие и мышление. В метафоре «то, на что смотрят» (*looked at*) и «то, сквозь что смотрят» (*looked through*) непосредственно совпадают, позволяя иконически развертывать смысл в образы. Рикер вслед за Хестером называет акт «видеть как» полумыслью, полочувством, обеспечивающим интуитивную связь между смыслом и образом. Если «объяснить метафору — это значит перечислить значения, в рамках которых образ видится как смысл, а “видеть как” — это интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ»¹², то привилегированное место среди метафор приобретает визуальная (оптическая) метафора, или метафора зеркала.

⁸ Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 88.

⁹ Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 329.

¹⁰ Ср. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 278.

¹¹ Там же. С. 281.

¹² Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 450.

I. Метафора зеркала и гегемония видения

Метафора зеркала включает в себя семейство умножающихся понятий, в частности, окулярцентризм, перспективизм, визуальную культуру, рациональное видение, визуальное мышление и другие широко представленные в художественной, философской и научной литературе понятия.

С. Мельшиор-Бонне, автор знаменитой «Истории зеркала», подробно показывает, как «зеркало, эта матрица символического», сопровождает искания человека¹³ и становится поистине «вездесущей метафорой»¹⁴. История культуры знает величественные «зеркала мира» или «зеркала природы», демонстрирующие полноту и неистощимость творящей силы Первоначала. Не уступают им по значимости «зеркала учительницы жизни — истории», призывающие к подражанию достойным примерам, и «зеркала — воспитатели», без которых невозможна забота о себе. Символом идентичности европейского человечества более чем на тысячелетие становится Священное Писание как «незапятнанное, безупречное зеркало» деяний Божьих («Книга притчей Соломоновых, VII: 27). А помраченное первородным грехом «зеркало человеческой души» рассматривается как подлежащее очищению аскетическими упражнениями, добрыми делами и созерцанием света первообраза. Это последнее особенно важно, ибо позволяет приуготовить душу к переходу от смутного, гадательного постижения истины, к видению Бога лицом к лицу в веке грядущем (1-е Послание Коринфянам, XIII: 12). Зеркала ренессансных магов, игравшие роль медиаторов в системе замысловатых аналогий и иерархических связей вещей и зеркала барочных кабинетов и будуаров — агенты соперничества между притворством и естественностью, репетиторы обмена взглядами и жестами, — все эти незаменимые предметы и способы их символизации указывают на гегемонию видения.

Важно подчеркнуть, что метафора зеркала отсылает нас к видению не просто как к одному из модусов чувственности, но как к данной человеку способности быть вне самого себя, «изнутри участвовать в артикуляции Бытия». «Более полно, чем свет, тени, блики, образ зеркала позволяет обозначить в вещах работу зрения. Как и все другие технические предметы и приспособления, как инструменты, знаки, зеркало появилось в открытом кругообращении видящих тел в тела видимые»¹⁵.

Итак, зеркало в культуре интерпретируется как:

1. Отличающаяся повышенной семиотичностью и множественностью функциональных ролей культурная универсалия.

2. «Символическая матрица, в которой Я оседает в первоначальной форме»¹⁶. Этот опережающий феномен зеркальности позволяет удостоверить собственное существование и обеспечивает возможность самопознания и опыты по мысленному раздвоению субъекта, примерами которых могут служить автобиография или портрет.

¹³ Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М., 2006. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 182.

¹⁵ Мерло Понти М. Око и дух. М., 1992. С. 23.

¹⁶ См.: Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте // Кабинет: Картины мира I. СПб., 1998. С.136–142.

3. Инструмент конвертации видящих вещей в видимые. Как подчеркивает Мерло Понти, «зеркало может появиться, потому что я суть видящее-видимое, потому что существует своего рода рефлексированность чувственного, и зеркало ее выражает и воспроизводит»¹⁷.

4. Некое «не-место», в котором или посредством которого отражающийся в нем предмет удваивается, находясь здесь и там в одно и то же время.

Двойственная природа зеркала, его способность скрывать в той же мере, что и показывать, родственна коренному свойству метафоры, которое выше мы вслед за Р. Якобсоном назвали «расщеплением референции». Принято говорить о магии зеркала, позволяющей проникать в мир видимостей. «Прежде чем упорядочить мир и показать его в перспективе, прежде чем показать рефлектирующую способность мыслить, зеркальная поверхность увлекает человеческий взгляд в свои глубины, приглашает его проследовать окольными путями, и эти пути преодолеваются через аналогии и через отражения, которые, как может показаться, свидетельствуют о наличии в самом центре мира видимого некоего иного мира, мира невидимого»¹⁸. Зеркало свидетельствует об онтологической дистанции между сущностью и видимостью, о нравственном напряжении между естественностью и притворством, и одновременно согласовывает видимое и невидимое, учит несовершенное уподобляться совершенному. Выделим три главных философских сюжета, в которые включена метафора зеркала:

1. Оппозиция сущности и видимости, истины и иллюзии, преодолеваемая игрой аналогий и сходств и дающая возможность увидеть причину в следствиях.

2. Принцип подражания-уподобления, позволяющий овладеть своим лицом как собственной точкой зрения или гранью многосоставного социального Я.

3. Тайна интроверсии личности: поиск морального совершенства человека путем самопознания и преобразование изначальной антропологической данности путем Богопознания.

Любая осмысленная философски метафора выполняет, по меньшей мере, две функции: 1) открывает «эпистемический доступ к понятию» (Р. Бойд); 2) хранит культурный код эпохи. Специфика связки «видеть как» между содержанием и оболочкой метафоры зеркала заключена в максимальном сближении образа и смысла, видимого и подразумеваемого. Как справедливо заметил Аристотель, «в́идение <...> мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах]»¹⁹. Зеркало — традиционная визуальная метафора познания, его точности или приблизительности, всеохватности или фрагментарности. Мы попробуем сфокусироваться на значении этой метафоры от ренессансной «конкордии» — непрерывной согласованности всего со всем в философии бесконечности Н. Кузанского до барочного «расклада разного» в монадологии Г. В. Лейбница. Кузанский, сохраняя

¹⁷ Мерло Понти М. Око и дух. С. 23.

¹⁸ Мельшиор-Бонне С. История зеркала. С. 162.

¹⁹ Аристотель. Метафизика, 980a 25 // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1976. С. 65.

СОБЫТИЯ

верность платонической традиции, делает акцент на единстве многого, Лейбниц, открывая философию виртуальности, акцентирует множественность единства, при этом каждый использует метафору зеркала в контексте породившей их философию эпохи.

II. *Regula coincidentiae* Н. Кузанского: *зеркало истины и точка зрения*

Вопрос об идентичности мысли Кузанского поднимался в исследовательской литературе неоднократно и в конечном итоге привел к признанию его «игроком мудростью» (*Ludus sapientiae*). Как заметил Дж. Хопкинс, «основания философии Кузанского лежат глубоко в средневековом мире с сохраняющимся в нем наследием античности. Предполагалось, что Вселенная состоит из субстанций и акциденций, родов и видов, формальных и материальных принципов. Более того, каждая форма вещи, как существующая в Боге, вечна. Следовательно, Слово Божье, вторая ипостась Троицы, есть прообраз всех вещей (в этом смысле Бог рассматривается как все вещи, в то время как в другом смысле Он ни одна из вещей). Мысль Николая Кузанского действительно эклектична, поскольку изобилует заимствованиями из Анаксагора, Платона, Аристотеля, Псевдо-Дионисия, Августина, Боэция, Ансельма, Эриугены, Аквината, Альберта Великого, Мейстера Экхарта, Раймунда Луллия, Геймерика де Кампо и множества других. И все же это не эклектизм, так как заимствованные сюжеты переработаны в систему, которая поразительным образом превосходит любое сочетание своих элементов»²⁰.

Стремление ко всеобщему согласию вещей в универсуме и согласию универсума со своим Творцом, которую в человеческой реальности должен засвидетельствовать мир вероисповеданий и философских школ, обличает в Кузанце мыслителя Ренессанса. Предложенное Кузанским всеобъемлющее правило совпадения (*regula coincidentiae*) указывает на охватывающую мощь единого Бога. Это правило объединяет:

1. Совпадение противоположностей (*coincidentia oppositorum*), таких, к примеру, как простое и сложное, единичное и множественное, движение и покой²¹.
2. Совпадение противоречий (*coincidentia contradictorium*), скажем, бытия и небытия, всего и ничего²².
3. Совпадение соответствий (*coincidentia appropriatorum*), находящихся в отношении дополнения божественных имен или атрибутов, таких как любовь и знание, бытие и единство²³.
4. Совпадение крайностей (*coincidentia extremorum*) во Христе, причем не таким образом, что одно становится другим²⁴.
5. И, наконец, постигаемое непостижимо совпадение совпадений (*coincidentia coincidentiarum*).

Переплетения этих совпадений напоминают бесконечный обмен взглядами, «при

²⁰ Hopkins J. *Nikolas of Cusa's metaphysics of contraction*. Minneapolis, 1983. P. 108–109.

²¹ Кузанский Николай. О возможности-бытии, 74 // Кузанский Н. Соч. Т. 2. М., 1980. С. 180.

²² Там же. С. 168.

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Кузанский Н. О видении Бога, 23. 101 // Кузанский Н. Соч. Т. 2. М., 1980. С. 86.

котором, несмотря на полное различие, перекрещиваются и сливаются воедино человеческий глаз и всевидящее око Бога в восприятии бесконечного»²⁵. В этой системе взглядов зеркало устанавливает и хранит дистанцию между бесконечностью бытия Бога, беспредельностью универсума и бесчисленностью вещей.

Метафора зеркала служит инструментом раскрытия двойственности онтологических измерений через игру тождества и различий. Напомним, что «единый абсолютный максимум без приобщения <...> вечным, равным и неподвижным образом покоится в своей самотождественности»²⁶ и исключает всякое описание, в том числе и с помощью метафоры зеркала. Лишь его конкретизация и проявление в бытии «легитимируют» зеркальную метафору, опирающуюся на функцию зеркала как посредника. В Пресвятой Троице высшим проявлением Отца — *suprema apparitio patris* — является второе лицо — Сын-Слово. Во Христе Абсолют в качестве Абсолюта становится конкретным. Через него же, как через «первое зеркало истины, в котором все без ущерба светится истинно как есть»²⁷, открывается абсолютность конкретного. Это и есть мистерия творения, в трактовке которой Кузанский хранит незыблемую верность средневековой традиции христоцентризма. Мир творится Словом, «как максимум-минимум, микрокосм-макркосм и Альфа-Омега, Христос стоит в центре вселенной, объединяя противоположности материи и божественности посредством человеческой природы микрокосма. Таким образом, Христос установлен как центр, к которому относится вся вселенная и посредством которого ей надлежит реализовать свою цель»²⁸.

Дуальность онтологий тождества и различия, их диалектическая связь и мистическая основа примирения и совпадения выражаются Кузанским с помощью понятийной связки «*explicatio — complicatio — contractio*». «Бог свертывает и развертывает все вещи, и поскольку свертывает, все они суть в нем он сам, а поскольку развертывает, он в каждой вещи есть все то, что она есть, как истина в изображении»²⁹. Мир, как развертываемая простота Бога, — конкретно-определившийся максимум, т. е. универсальность (*universalitem*), или единство многого. Вещи пребывают в Боге через посредничество Вселенной: она оказывается ограничением их множественности, смешения и разногласия, будучи, в свою очередь, ограничением единства абсолютной бесконечности. Для наглядности Кузанский переводит эту мысль на язык метафоры зеркала в небольшом трактате «О богосыновстве» (1445), уподобляя сияние божественной славы «прямейшему, бесконечному и совершеннейшему зеркалу истины»³⁰, тогда как творения или вещи рассматриваются в качестве «конкретно определившихся и разнообразно искривленных зеркал»³¹.

Понятие бесконечности имеет в философии Кузанского не только онтологическое измерение, но и предполагает особую познавательную установку, апофатически осуществляемую наукой незнания, а катафатически — искусством предположений.

²⁵ Мельшиор-Бонне С. История зеркала. С. 190.

²⁶ Кузанский Н. Об ученом незнании. Кн. III, гл. 1, 182 // Кузанский Н. Соч. Т. I. М., 1979. С. 143.

²⁷ Кузанский Н. О Богосыновстве, 65 // Кузанский Н. Соч. Т. I. М., 1979. С. 310.

²⁸ Cousins E. H. Bonaventura and the coincidence of opposites. Chicago (Illinois), 1978. P. 203.

²⁹ Кузанский Н.. О предположениях, II, 3, III // Кузанский Н. Соч. Т. I. М., 1979. С. 106.

³⁰ Кузанский Николай О Богосыновстве, 65. С. 310.

³¹ Там же.

СОБЫТИЯ

Бесконечность является, во-первых, универсальным именем Бога, обеспечивающим возможность размышления о Абсолюте как отличном от его собственных атрибутов и действий. Во-вторых, она содержит в себе принцип познания любого конечного. «Для Кузанца знание структурировано посредством процедур сравнения и измерения с помощью пропорции. Выражаясь метафорически, язык и знание в понятиях требуют возможности о-пределения объектов, обозначения их пределов или границ по отношению к другим объектам познания. Где границы и пропорции не могут быть установлены, ничего не может быть познано»³². В предложенной Кузанцем оптике двойной бесконечности — апофатической не-конечности (*infinitum*) Бога и постигаемой путем сравнивающего соизмерения безграничности (*interminatum*) Универсума, человек занимает особое место. Его «срединная природа» (*natura media*), вознесенная благодаря разумности над всеми созданиями, хотя и уступающая ангелам, свернуто заключает в себе все природы, имея возможность воссоединить их с полнотой максимума.

Кузанский сравнивает человеческую природу с вписанным в круг многоугольником, тогда как сам круг он уподобляет природе божественной. Как многоугольник, достигший максимальности совпадает с фигурой круга, совершенство человеческой природы обоживается во Христе как Слове, свернуто заключающем в себе все творение. Человек не только как «малый мир», микрокосм, содержит в себе все творение потенциально, но и как «малый Бог», микротеос, обладает субстанциальным и существенным совершенством — интеллектом, которому в нем актуально подчинено все остальное. Это идея вновь проясняется с помощью метафоры зеркала. Среди искривленных зеркал вещей «интеллектуальные природы будут живыми, более ясными и прямыми зеркалами», причем «в качестве живых, разумных и свободных они способны искривлять, выпрямлять и очищать сами себя»³³. «Единая зеркальная ясность разнообразно светится в отражениях этих зеркал»³⁴, вовлекая умы в бесконечный процесс колебательного движения между единством (*unitas*) и инаковостью (*alteritas*). Таким образом, Кузанским обосновывается автономия человеческой перспективы познавательного процесса. Несмотря на зависимость этой перспективы от Бога, она имеет утвердительный и поэтому релятивный характер, отсылая к индивидуальной точке зрения — предположению, догадке, конъектуре. Зазор между познанием и истиной — пространство для созидания предположительных миров, достоверность которых тем выше, а отражающая способность тем прямее и чище, чем больше в них сосредоточено (свернуто) единства. Человек, как «разумное живое зеркало», способен принять в себя «зеркальный луч зеркала истины, несущего в себе истину всех зеркал <...> в момент вечности это живое зеркало, как бы живой глаз, вместе с принятием лучей сияния от первого зеркала в нем же, зеркале истины, увидит само себя, как оно есть, и в себе — опять-таки по-своему — увидит все другие зеркала»³⁵. Эта мысль Кузанского предвосхищает интуиции лейбницевской монадологии не только по сути, но и по форме выражения.

³² Duclow D. F. *Masters of Learned Ignorance: Eriugena, Eckhart, Cusanus*. Cornwall, 2006. P. 277.

³³ Кузанский Николай. О Богосыновстве, 65.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

*IV. «Метафизический роман» Г. В. Лейбница:
зеркало реальности и архитектура видения*

Лейбниц появляется на философской сцене, когда благодаря открытию Кеплером законов распространения света и выработке понятий оптической и зрительной оси тайна зеркала начинает тускнеть. Оно еще блистает во дворцах, украшает кабинеты и будуары, но революция в оптике отказывает сходству макрокосма и микрокосма в гносеологической достоверности. Начатую Кеплером работу довершает Декарт, указывая, что связи и сходства вещей возникают лишь потому, что их создает мыслящее Я. Выпуклое зеркало, сосредотачивающее в себе пространство путем охвата множества точек и углов зрения, уступает первенство плоскому зеркалу — точной, но неполной картине реальности. Символическое и аналогическое познание замещается познанием критическим и дискурсивным.

Для этого типа познания непознанное есть всегда «еще не познанное», его открытие и учет в реестре познанного — дело времени. И все же Лейбниц сообщает «второе дыхание» метафоре зеркала, обнаружив возможность включения тайны в круг явленного в новом способе установления соответствия и совыразительности субстанциальных индивидуальностей. Создание «барочно-универсалистских миров»³⁶, как отмечает А. В. Михайлов, предполагает суверенность неочевидного, сокровенного. Тайна не «переливается» в то, что наличествует в мире, а лишь отражается в нем. Два важнейших начинания Лейбница — учение об универсальной гармонии всех существующих вещей и идея мыслимого единства целей всех известных наук построены именно таким образом. Причастность к сокровенному истоку мирового целого делает наши опыты аналогическими и открывает «истинное учение о методе не столько поиска истины, сколько самой жизни»³⁷. Возможно, философ Лейбниц — только отражение мудреца Пацидия³⁸, виртуоза «Welt-Weisheit» и творца универсальной науки, посвященного в тайну глубинного происхождения вещей.

Век спустя это уже непонятно Гегелю. Рассматривая позицию Лейбница в знаменитых Лекциях по истории философии, он отказывает ей в систематизме. «Его философия рассеяна по различным маленьким статьям, написанным им по разнообразным поводам, а затем по письмам и ответам на возражения, побудившим его развить дальше отдельные стороны своего философского учения. <...> Мы не находим какого бы то ни было разработанного систематического целого, задуманного или выполненного им»³⁹. Неудовлетворительным представляется Гегелю и способ представления Лейбницем собственной философии, он «излагает мысли без последовательности понятий, в виде простого сообщения, и, взятые сами по себе, они не являются необходимыми в своей связи. Лейбницевская философия выглядит поэтому как произ-

³⁶ Михайлов А. В. Поэтика барокко // Михайлов А. В. Избранное. Конец риторической эпохи. М., 2007. С. 124.

³⁷ Лейбниц Г. В. Об искусстве открытия // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 397.

³⁸ Напомним, Вильгельм Пацидий (от лат. *pacidius* — кроткий, смиренный) — псевдоним Лейбница, укрывавший наиболее дерзкие и дорогие философу замыслы.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. СПб., 1994. С. 401.

СОБЫТИЯ

вольные утверждения, которые следуют друг за другом как метафизический роман»⁴⁰. Известно, что греза о «тотальной книге», способной выдержать любую комбинаторику и любую дисперсию, вдохновила Лейбница на создание монадологии. Такая книга-свод, сопряженная с целым мира, должна включать в себя загадку или неясность, некое «второе дно», скрытое от экспансии знания, отвоевывающего у незнания пядь за пядью. Но прочесть и понять эту книгу, этот «метафизический роман», можно лишь допустив, вслед за Делёзом, что это барочное начинание.

В трактовке эпохи барокко как переходной мы следуем за А.В. Михайловым. Такую эпоху можно оценить одновременно по критериям исторического периода, которому она наследует, и по ее собственным формирующимся критериям. Отсюда неизбежная двойственность оценок. В силу этого возникший в результате конвергенции различных понятий и долгое время существовавший в искусствознании и литературоведении на правах предтермина «термин “барокко” обязан соединить в себе и странность и норму, и нарушение канонов, и свой особый канон»⁴¹. Его синонимом, правда, используемым преимущественно в искусствознании, является термин “маньеризм”, противопоставляемый классическому стилю. Блестящий опыт применения этих понятий к философии принадлежит Ж. Делёзу.

Горизонт познания в эпоху барокко задает цельность как тайна и достаточная полнота отдельного, тогда как суть барочной композиции проявляется в россыпи, «раскладе разного». Согласно Делёзу, «критерий или оперативный концепт стиля барокко — это Складка во всей ее всеохватности и расширительном толковании: складка в складке»⁴². Чтобы этот концепт приобрел философское измерение, необходимо постулировать качественную, интенсивную бесконечность во всей ее полноте и даже чрезмерности, непрерывной прерывности и обоснованности.

Общепризнанно, что принцип основания — краеугольный камень философии Лейбница, именно он позволяет упорядочить доводы разума таким образом, чтобы «мы увидели бы, а не веровали бы только, что созданное Богом есть наилучшее»⁴³. При этом Лейбниц называет «видением то, что люди узнают *a priori* на основании причин, а верованием то, о чем судят на основании следствий, хотя одно может быть столь же достоверным, как и другое»⁴⁴. Сближая познание и видение, Лейбниц строго разграничивает достоверность и обоснованность и апеллирует к порядку как «различимому отношению совокупности вещей»⁴⁵, различимой мыслимости, исходящей из Реального Существа (Причины или Бога). Это Существо, во-первых, заключает в себе полноту и истинность возможностей и необходимостей (как отрицания противоположных возможностей), во-вторых, обосновывает преимущество существующего перед несуществующим. И, в-третьих, оно запускает в действие «своего рода

⁴⁰ Там же. С. 402.

⁴¹ Михайлов А. В. Поэтика барокко. С. 69.

⁴² Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997. С. 61.

⁴³ Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Соч. Т. 4. М., 1989. С. 103.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 235.

Божественную математику или метафизический механизм»⁴⁶, приводящий к бытию наибольшее количество существований в соответствии с принципом наилучшего.

Мир, которым управляет такое основание, представляет собой бесконечный ряд, причем эта бесконечность оказывается экстенсивной и интенсивной одновременно. Будучи непрерывной и математически неисчислимой, она складывается из внутренних сингулярностей или виртуальных событий, которые вслед за Делёзом можно было бы назвать точками инфлексии. Эти метафизические точки, реальные единицы или первые атомы, совершенно просты и исключают всякое протяжение и фигуру. Как самодовлеющие единицы бытия монады существуют при закрытости окон⁴⁷, не подвергаясь никаким воздействиям извне, не подлежа ни образованию, ни разрушению. Отличия монады от любой другой, равно как и от всех прочих монад, определяются «только внутренними качествами и действиями, которые не могут быть ничем иным, как ее восприятиями, или перцепциями (*perceptions*) (т. е. представлениями в простом сложного или внешнего), и ее стремлениями (*appetitions*) (т. е. влечениями от одного представления к другому), составляющими принципы изменений»⁴⁸. Лейбниц своеобразно реабилитирует схоластические формы, указывая, что они представляют собой не просто осуществленные возможности, «природа этих форм состоит в силе, а отсюда вытекает нечто аналогичное сознанию и стремлению и, следовательно, их нужно понимать наподобие того, как мы представляем себе души»⁴⁹. Оживотворяющая их изначальная и простейшая сила (*vis primitiva*) — это способность к действию. В своем стремлении ко все более отчетливым и ясным представлениям монады, как простые субстанции, объединяют и разворачивают все стадии мирового процесса.

Чтобы пояснить, как это возможно, Лейбниц обращается к идее «архитектонической детерминации»⁵⁰, исключающей абсолютную необходимость и опирающейся на необходимость выбора. Выбор по принципу наилучшего обеспечивает осуществление максимального (при данной вместимости ряда) количества существований. Лейбниц — сторонник принципа избытка и полноты универсума, который исключает всяческие пробелы, пустоты и перерывы постепенности. «В этом мире никакие разрывы немислимы; Лейбниц целиком разделяет с природой ее *horror vacui*. В своих фундаментальных структурах универсум полон, и закон непрерывности, подразумевающий, что “природа не делает скачков”, может быть с непреложной уверенностью

⁴⁶ Лейбниц Г. В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 284.

⁴⁷ Принцип беззаконности монад противопоставляется Лейбницем авторитетному схоластическому учению о «чувственных видах» (*species sensibilis*), излучаемых предметами и оставляющих отпечатки на сетчатке глаза. Это восходящее к Демокриту и Лукрецию воззрение интерпретировалось схоластиками как самостоятельное движение акциденций.

⁴⁸ Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 404.

⁴⁹ Лейбниц Г. В. Новая система природы и общения между субстанциями, также о связи, существующей между душой и телом // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 272–273.

⁵⁰ См.: Лейбниц Г. В. Аналогический опыт исследования причин // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 136.

СОБЫТИЯ

распространен на все науки, от геометрии до биологии и психологии»⁵¹. Возможность такого распространения обоснована связью ряда действующих причин с рядом причин конечных. Как раз для демонстрации такой связи Лейбниц многократно использовал метафору зеркала⁵². Принцип предустановленной гармонии между миром духовных энтелехий (конечных причин) и физических тел (действующих причин) описывает одновременно способ общения беззаконных монад. Суть этого способа заключается в том, «что всякая монада есть живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящее универсум со своей точки зрения и упорядоченное точно так же, как и сам универсум»⁵³. Если рассматривать математические точки как локализацию точек зрения всех «приноровленных» друг к другу субстанций, возникнет архитекtonика прекрасно устроенного мира — свода зеркально отражающих друг друга монад. Этот перспективно умноженный мир гармоничен и бесконечен одновременно.

Суть предустановленной гармонии лаконично выражает Ж. Бофре: «В каждом элементе мира вибрирует Вселенная, и именно эта вибрация, “сконцентрированная” в каждой точке, и подтверждает взаимосвязь целого. Как раз это Лейбниц и формулирует, когда говорит, что всякая субстанция — это зеркало Вселенной, перспектива или выражение целого, что она согласуется со всеми остальными и что таким образом она существует в мире не как частичное целое, но как целостная часть, представляющая собой конечную бесконечность»⁵⁴. Своеобразие зеркальной метафоры у Лейбница проявляется на двух взаимосвязанных уровнях. Во-первых, монады благодаря непрерывности малых перцепций перспективно отражают единый универсум, отражая друг друга, хотя смутно и ограничено. Во-вторых, каждая из них «есть как бы целый мир и зеркало Бога»⁵⁵. Этого достаточно, чтобы рассматривать наш мир в качестве «хорошо обоснованного феномена». Однако принцип предустановленной гармонии имеет не только метафизическое, но и этическое измерение, позволяя познавать не только мудрость и могущество Творца, но и его благость. Так у Лейбница появляется третий уровень существования зеркальной метафоры, оправдывающий изучение гражданской и священной истории. Ведь именно история, научающая достойным для подражания примером, выступает «зеркалом божественного провидения и представляет нам Бога облеченным нравственностью, поскольку он проявляет себя не только как первоисточник (*principium*) вещей (как в метафизике и математике), не только как изобретатель удивительных машин (*machinae*) (как в физике), но и как управитель

⁵¹ Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001. С. 187.

⁵² Ср.: Лейбниц Г. В. Монадология, 56 // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1982. С. 422: «А вследствие такой связи, или приспособленности (*accommodement*) всех сотворенных вещей к каждой из них и каждой ко всем прочим, любая простая субстанция имеет отношения, которыми выражаются все прочие субстанции, и, следовательно, монада является постоянным, живым зеркалом универсума». См. также: Лейбниц Г. В. Переписка с Николаем Ремонем // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1982. С. 545: «...Всякая монада есть живое зеркало универсума, отражающая его на свой лад».

⁵³ Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. С. 406.

⁵⁴ Бофре Ж. Сказание о мире // Диалог с Хайдеггером. Новоевропейская философия. СПб., 2007. С. 106–107.

⁵⁵ Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1982. С. 132.

(*rex*) духов в этом мировом государстве»⁵⁶. Если предустановленная гармония — одно из наиболее существенных доказательств бытия Бога в философии Лейбница, то образ истории — зеркала — его эмблематическое приложение.

Заключение: живые зеркала

Общепризнанно, что язык рационалистической философии, у истоков которой стоит учение о бесконечности Н. Кузанского и «цветение» которой в XVII столетии знаменует монадология Г. В. Лейбница, — это язык понятий. Целью данного небольшого исследования был анализ возможностей метафоры как языкового эквивалента предмета-картины (Л. Витгенштейн) в ситуациях метафизических разрывов, не поддающихся понятийным репрезентациям. В первую очередь это касается экспликации понятия бесконечности.

Мы исходили из допущения, что любая осмысленная философски метафора выполняет, по меньшей мере, две функции: 1) открывает «эпистемический доступ к понятию» (Р. Бойд); 2) хранит культурный код эпохи. При этом мы учитывали, что двусоставность осуществляемой на смысловом сдвиге метафоры, где синтез вторгается в сферу анализа, образ — в сферу понятия, может быть осмыслена как некое «чувство-действие», выражаемое словосочетанием «видеть как». Тем самым подчеркивалась привилегированность метафоры зеркала, традиционно рассматриваемой как визуальный образ познания.

Специфика связи «видеть как» между содержанием и оболочкой метафоры зеркала заключена в максимальном сближении образа и смысла, видимого и подразумеваемого. Проблематическое понятие бесконечности раскрывается познанию-зеркалу, отражаясь в нем и одновременно скрывая собственную суть. Благодаря зеркальной метафоре «то, на что смотрят» (*looked at*) и «то, сквозь что смотрят» (*looked through*) непосредственно совпадают, позволяя иконически разворачивать живой и предельно сингулированный смысл в мысле-образы, обеспечивающие понимание непознаваемого. Самым существенным в разговоре о метафоре зеркала применительно к философии Кузанского и Лейбница нам представляется то, что оба мыслителя говорят о живых зеркалах, обнаруживая силовое измерение своих философских принципов.

Кузанский, как гуманист и представитель Ренессанса, видит источник этой жизни в силе творческого искусства (*vis artis creativae*), которая имеет своим истоком благое произволение Бога. Божественное «Хочу» в свернутом виде заключает в себе как возможность бытия Бога Творцом, так и возможность бытия Бога Спасителем, поскольку корениться в самой по себе возможности (*Posse Ipsum*). Божественное «Могу» является предпосылкой всякого существования, обладания и действия и позволяет в наделенном силой интеллекта человеку увидеть живое зеркало или «живой образ Бога» (*viva imago dei*).

Актуальность неразличимости минимума и максимума в бесконечности, абсолютная простота, несложность, неисчислимость первого единства переходят в ина-

⁵⁶ Лейбниц Г. В. О приумножении наук // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1982. С. 181.

СОБЫТИЯ

ковость потенциальной соединимости различий, противоположностей и противоречий в уме. Истина в Боге становится (зеркально отражается) истинностью разума. В таком двунаправленном круговом движении (*regressiones progressionis*) познание осуществляется путем предположений и обретается автономия точки зрения субъекта. Искусство предположений позволяет видеть «одно и то же в разных отражениях», причем каждое из таких «конкретно определившихся и разнообразно искривленных зеркал» обладает своей мерой истины, тогда как причина всего всегда остается «противоположностью противоположного» (*oppositorum oppositio*), «прямым, бесконечным и совершеннейшим зеркалом истины», всевидящим живым оком Творца, охватывающим все отражающее его взгляд сотворенное.

Лейбниц как рационалист не просто утверждает, что бесконечное и совершенное Существо существует, но доказывает с необходимостью, что его существование возможно и не имплицитно противоречит. Он же, как выразитель умонастроения эпохи барокко, обнаруживает, что бесконечное по основанию образует множество интенсивностей, или частичных целых (монад), имеющих собственную конституцию и ограниченных представляющим стремлением. Монады локализируются в определенных точках зрения, каждая из которых представляет собой «*mundus concentratus*» — перспективное изображение мира. Мир, в свою очередь, анцетедентен по отношению к монадам, хотя и не существует за пределами их представлений. Два замеченных Делёзом полюса философии Лейбница: «Все регулярно!» и «Все сингулярно!»⁵⁷ зеркальны и прекраснейшим образом согласованы. В непрекращающейся игре полноты виртуальность зеркально отражается в актуальности.

Архитектоника прекрасно устроенного мира — свода зеркально отражающих друг друга монад построена на принципе избытка. Выбор по принципу наилучшего обеспечивает осуществление максимального (при данной вместимости ряда) количества существований. Зеркальная метафора у Лейбница задействована в описании диад отношений «монада — монада», «монада — Универсум», «монада — Бог (основание)». Благодаря непрерывности малых перцепций монады перспективно отражают единый универсум, отражая друг друга, хотя смутно и ограниченно. Каждая из них «есть как бы целый мир и зеркало Бога». Могущество и мудрость первого принципа в мире духовных субстанций проявляется как благо. Поэтому научающая достойным для подражания примерам история выступает «зеркалом божественного провидения. Избыток и даже «буйство» (Ж. Делёз) вводимых Лейбницем принципов — кульминация эпохи барокко со свойственной ей предпочтительностью нечто перед ничто. Последнее начнет свое победоносное шествие в последующей философии, приведшей к торжеству абсолютного знания над ведающим неведением — зеркалом истины. Метафора зеркала будет «сдана в архив», где она терпеливо дождется своего нового звездного часа в новейшей философии.

---

⁵⁷ Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. С. 106.